

Вэй Усянь падал вниз, в пустоту. Он даже не понимал, зачем и ради чего всё это, знал лишь одно: нельзя, никак нельзя позволить Цзян Чэну уйти в небытие в полном одиночестве.

Вдруг в затуманенном сознании Вэй Усяня мелькнула черная точка, стремительно приближавшаяся к нему. В следующее мгновение его подхватили крепкие, широкие объятия. Вэй Усянь пришел в себя и, разглядев одежды спасителя, почти обезумел. Срываясь на хриплый крик, он зарыдал:

— Клан Не из Цинхэ! Ты из клана Не! Цзян Чэн упал, скорее, плывите за ним, спасайте его!

Тот лишь поднял Вэй Усяня на край обрыва. Не смея смотреть ему в глаза, он с виноватым видом взглянул вниз:

— Господин Цзян уже сорвался. Мы отправили людей на поиски, но... шансов почти нет.

Вэй Усянь вцепился в его одежду:

— Если бы вы прибыли хоть немного раньше! Всего лишь на мгновение раньше... — он бессильно разжал пальцы, и руки его безвольно упали.

Как раненый зверек, он прошептал:

— Нет... неправда... это моя вина! Если бы я продержался чуть дольше, если бы я... — он не договорил, его вырвало кровью, и он без чувств рухнул на землю.

Когда весть достигла Юньмэна, Пристань Лотоса погрузилась в хаос.

У Юй Цзыюань в ушах стоял непрерывный звон, голова кружилась, а ноги стали ватными, словно она ступала по облакам. Силы покидали её, но она заставила себя сохранять самообладание. Цзян Фэнмянь не было дома, и теперь только она могла взять на себя управление. Она не имела права пасть духом.

Отдав распоряжение известить мужа, она собрала учеников ордена, готовых к выступлению, и, пошатываясь, направилась в покои Цзян Чэна. Цзян Яньли молча шла следом, бережно поддерживая мать под локоть, отдавая ей остатки своих сил и тихо утешая.

Как только Цзян Фэнмянь вернулся, Юй Цзыюань, не теряя ни секунды, бросилась к горе Уцзе. Она искала сына у подножия обрыва, не зная ни сна, ни отдыха, надеясь найти хоть след Цзян Чэна. Она верила — он жив.

Вэй Усяня и раненых охранников тем временем доставили в Буцзинши для лечения. Вэй Усянь, едва приходя в сознание, рвался на поиски Цзян Чэна, но раны были слишком тяжелы. Ему

требовался покой, поэтому лекари подмешивали ему в отвары снотворное, чтобы он забывался долгим сном. Охранники же, снедаемые чувством вины, поклялись не покидать гору Уцзе, пока не найдут своего молодого господина.

В полузабытьи Вэй Усяню снился один и тот же сон. В нем Цзян Чэн упорно тренировался. Вэй Усянь, которому было скучно, подтрунивал над ним:

— Зачем ты так себя изнуряешь? Самосовершенствование должно приносить радость, а ты загоняешь себя. Осторожно, перестараться — и получишь обратный эффект.

Цзян Чэн отвечал:

— Нужно усердно тренироваться, чтобы защитить тех, кто мне дорог. Твой талант выше моего, так что не ленись, начинай заниматься.

Он протягивал руку, чтобы позвать Вэй Усяня, но вдруг его белая, чистая ладонь превращалась в кровавое месиво. Вэй Усянь поднимал глаза и видел перед собой растерзанного человека, словно только что вытасченного из озера крови.

Вэй Усянь просыпался в холодном поту. В носу стоял запах крови, который не могли перебить даже горькие лекарства. Он ненавидел себя: за свою слабость, за то, что не старался больше, за свою лень.

Вернувшись в Юньмэн после выздоровления, Вэй Усянь начал тренироваться до изнеможения, не зная ни дня, ни ночи. Никто не мог его остановить, и его рвение увлекло за собой остальных учеников. Но это уже совсем другая история.

Не Минцзюэ, осознавая, что Цзян Чэн попал в беду, пытаясь помочь ему, терзался угрызениями совести. Он и Лань Сичэнь бросили все силы на поиски, но даже три великих ордена не смогли найти никаких следов.

Что же до самого Цзян Чэна, то, упав в воду, он был унесен быстрым течением. Удар злого духа пожирания душ пришелся прямо по его сознанию, поэтому и Цзян Ваньинь, и Цзян Ую пребывали в густом тумане.

Внутри пространства в горчичном зерне Цзян Ваньинь забыл, кто он и где находится. Цзян Ую же впал в состояние между глубоким сном и беспамятством. Иногда он не просыпался днями, а если и открывал глаза, то лишь для того, чтобы улыбнуться Ваньиню, успокоить его, и снова провалиться в забытие. Ую знал, как сильно Ваньинь переживал из-за случившегося, и изо всех сил старался его подбодрить.

Ую даже не догадывался, что Ваньинь потерял память, а Ваньинь лишь ждал, когда тот, кто так похож на него, проснется и улыбнется, чтобы он мог обрести хоть какое-то спокойствие и

продолжить свой бесконечный путь в тумане. Взаимосвязь между ними оказалась временно недоступна.

Спустя долгое время кто-то подобрал Ваньиня и спросил:

— Как тебя зовут, малыш?

В ушах Ваньиня прозвучали слова:

— Почему нельзя? Ты ведь сам говорил, что всё в порядке, почему же для меня всё иначе? Может, все зовут только Ваньиня и знают только его, а о том, что в этом мире есть Ую, никто и не слышал? Само имя Ую такое жалкое, такое одинокое... Неужели... уа-а...

Цзян Ваньинь ответил:

— Меня зовут... Ую...

— Чей ты ребенок? Куда идешь? — спросил незнакомец.

Перед глазами Ваньиня вспыхнул образ полных обиды глаз. Он потряс головой, прогоняя видение, и услышал другой голос:

— Я иду в Цинхэ к сестре, а потом мы вместе отправимся в Цишань к отцу и матери. Мы не виделись десять лет, я так по ним скучаю.

Ваньинь произнес:

— Я иду в Цинхэ к сестре, а потом мы вместе отправимся в Цишань к отцу и матери. — Он вспомнил ту девушку и добавил: — Правда, сестра, кажется, умерла...

— Цишань слишком далеко, нам туда не добраться, — покачал головой человек. Его глаза хитро блеснули: — Но недавно приезжали люди из клана Вэнь, искали слуг. Им нужны красивые. Ты выглядишь ладно, а когда рана на лбу заживет, станешь еще краше. Хочешь попробовать?

Ваньинь послушно кивнул:

— Хорошо.

Человек радостно отвел его к вербовщикам клана Вэнь. Покупатель, увидев, что у мальчика хоть и есть рана на лбу, но сам он миловиден и крепок, решил, что Вэни легко его вылечат, и

приобрел Цзян Чэна.

На самом деле, упав в реку между Цинхэ и Юньмэном, Цзян Чэн был вынесен течением обратно к родным землям. Но на нем не было одежд клана Цзян, не было и колокольчика очищения сердца. Обычные люди судили о принадлежности к ордену лишь по одежде, поэтому никто не узнал в нем молодого господина, который должен был их защищать.

Так Цзян Чэна продали. На прощание он даже поблагодарил того человека, чуть было не помогая ему пересчитывать деньги.

<http://bllate.org/book/21513/2206494>